

УДК 7.036
ББК 85.103

Атапин Иван Ильич

Старший лаборант деканата, факультет исторических и политических наук, Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 34

ORCID: 0000-0002-5078-411X

ResearcherID: GRX-4174-2022

ivatapin@gmail.com

Ключевые слова: художественная жизнь Урала и Сибири, И.Д. Шадр, монументальное искусство, памятник Мировому страданию

Автор глубоко признателен И.Е. Ложилову и А.В. Шабатовской за помощь в поиске отдельных источников, а также Е.Ю. Станюкович-Денисовой за ценные критические замечания и рекомендации.

Атапин Иван Ильич

Скульптор на распутье: урало-сибирское турне И.Д. Шадра (1918–1919)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2024-2-124-145

Для цит.: Атапин И.И. Скульптор на распутье: урало-сибирское турне И.Д. Шадра (1918–1919) // Художественная культура. 2024. № 2. С. 124–145. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2024-2-124-145>.

For cit.: Atapin I.I. The Sculptor at the Crossroads: Ivan Shadr's Urals and Siberian Tour, 1918–1919. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2024, no. 2, pp. 124–145. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2024-2-124-145>. (In Russian)

Atapin Ivan I.

Senior Assistant, Faculty of Historical and Political Studies, Tomsk State University, 34 Lenina Av., Tomsk, 634050, Russia

ORCID: 0000-0002-5078-411X

ResearcherID: GRX-4174-2022

ivatapin@gmail.com

Keywords: art life of the Urals and Siberia, I.D. Shadr, monumental art, Monument to the World's Suffering

The author is deeply grateful to Igor Loshchilov and Aleksandra Shabatovskaya for their help in finding specific sources, and to Ekaterina Stanyukovich-Denisova for valuable critical remarks and recommendations.

Atapin Ivan I.

The Sculptor at the Crossroads: Ivan Shadr's Urals and Siberian Tour, 1918–1919

Аннотация. В статье предпринимается попытка реконструировать слабоизученный эпизод творческой биографии известного русского скульптора И.Д. Шадр — его лекционное турне, которое прошло в 1918–1919 годах по маршруту Шадринск — Екатеринбург — Омск — Томск. Отдельные сюжеты этого турне прежде освещались в работах искусствоведов, историков, культурологов и краеведов, но оно еще не становилось предметом специального научного исследования. В лекциях Шадр затрагивался широкий круг проблем: пути развития мировой и отечественной культуры, вопросы художественного синтеза, искусство и религия. Лекции сопровождался показом архитектурно-скульптурного проекта памятника Мировому страданию. В основу предлагаемой статьи легли материалы периодической печати городов Урала и Сибири (газеты «Зауральский край», «Горный край», «Сибирская жизнь» и др.), в том числе малоизвестные или впервые вводимые в научный оборот. Восстанавливаются обстоятельства турне Шадр и содержание его лекций, анализируются отклики местной общественности. Кроме того, затрагивается художественный и социально-политический контекст проведения турне. Показано, что не в последнюю очередь благодаря успеху своих лекций Шадр обрел статус известного скульптора и смог получить крупные заказы во время своего пребывания в белом Омске. Отдельное внимание уделяется возможному влиянию идей Шадр и его проекта памятника Мировому страданию на архитектуру и монументальное искусство Урало-Сибирского региона 1920-х годов. Сделано предположение, что отголоски концепции Шадр прослеживаются в некоторых монументах и общественных зданиях городов Урала и Сибири. Представленные сведения проливают свет на активную, многогранную деятельность скульптора в экстремальных условиях Гражданской войны, восполняя ряд белых пятен его биографии.

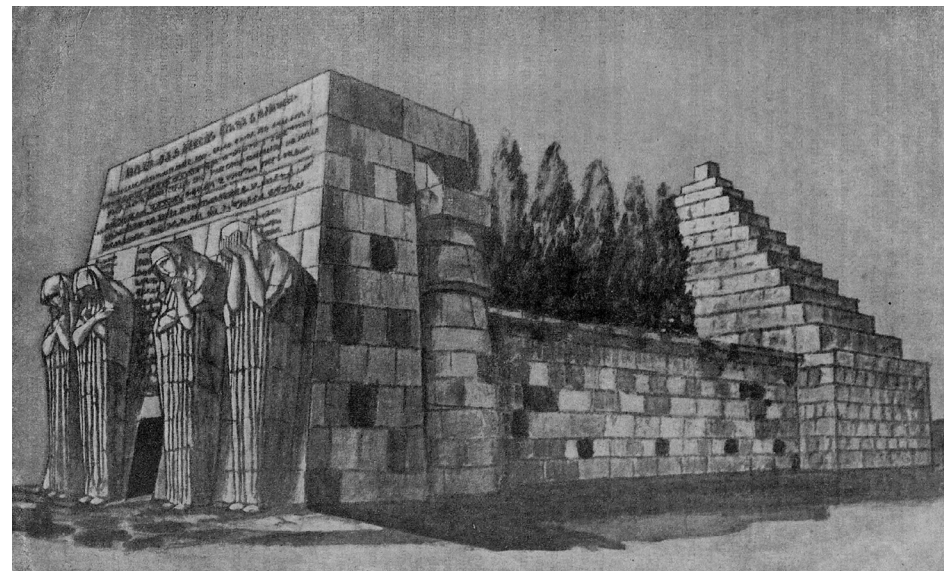
Abstract. The article attempts to reconstruct an underexplored episode of the artistic biography of the famous Russian sculptor I.D. Shadr — his lecture tour, which took place in 1918–1919 in Shadrinsk, Yekaterinburg, Omsk, and Tomsk. Separate parts of this tour were previously examined in the works of art historians, historians, culturologists and local historians, but it has not yet become the subject of a special scientific study. Shadr's lectures touched upon a wide range of issues, including development paths of world and national cultures, artistic synthesis, art and religion. The lectures were supplemented by a demonstration of architectural and sculptural design of the Monument to the World's Suffering. The article is based on the periodical press of the Urals and Siberian cities (*Zauralsky krai*, *Gorny krai*, *Sibirskaya zhizn* newspapers, etc.), including sources that are little-known or just introduced into scientific circulation. The author of the article reveals the circumstances of Shadr's tour and content of his lectures, analyses the response of the local audience, and researches into the artistic and socio-political context of the tour. It is shown that Shadr, not least due to the success of his lectures, acquired the status of a famous sculptor and was able to get large commissions during his stay in White Omsk. Special attention is paid to the possible influence of Shadr's ideas and his design of the Monument to the World's Suffering on the architecture and monumental art of the Ural-Siberian region in the 1920s. It has been suggested that echoes of Shadr's concept can be found in some monuments and public buildings in the Ural and Siberian cities. The presented information sheds light on the dynamic and multifaceted activity of the sculptor in the extreme conditions of the Russian Civil War, filling in a number of gaps in his biography.

Введение

Иван Дмитриевич Шадр (настоящая фамилия — Иванов; 1887–1941) был одним из самых популярных русских скульпторов своего времени, его работы стали символами отечественного искусства межвоенных лет. В 1918–1919 годах он совершил лекционное турне по городам Урала и Сибири, которые тогда находились под контролем антибольшевистских сил. Вполне естественно, что советские исследователи в силу идеологических и цензурных препятствий не останавливались подробно на деятельности И.Д. Шадра в годы Гражданской войны, ограничиваясь лаконичным, «отшлифованным» набором наиболее важных биографических фактов. Этот принцип был соблюден в работах Ю.П. Колпинского [15], В.П. Шалимовой [37], О.П. Вороновой [8; 36], А.А. Дудко [11]. Лишь в постсоветский период в публикациях Л.П. Осинцева [23], а вслед за ним С.В. Борисова [3], А.М. Лосунова [16] и И.Г. Девятьяровой [10] стали затрагиваться такие любопытные аспекты, как, например, сотрудничество Шадра с Белым движением. Что касается сведений об урало-сибирском турне, то они не обобщались и не анализировались отдельно.

Актуальность и новизна исследования связаны не только со стремлением заполнить пробелы в биографии выдающегося скульптора, но и с назревшей необходимостью подробного изучения процессов, происходивших в художественной жизни Урала и Сибири в 1910–1920-е годы. Проблематика статьи обусловила использование сравнительно-исторического и историко-типологического методов, а также структурно-диахронного анализа. Основными источниками явились материалы периодической печати — московских и региональных (уральских, сибирских) изданий.

Накануне революции 1917 года Шадр был уже весьма опытным, но малоизвестным широкой публике скульптором. За его плечами — учеба в российских и зарубежных художественных заведениях, в том числе в парижской Академии де ла Гранд-Шомьер и Римской академии изящных искусств. Шадр работал художником у кинопромышленников А.А. Ханжонкова и П.Г. Тимана, выполнял другие частные заказы в Москве, но пора настоящего признания была еще впереди [4, с. 427; 36, с. 218].

Ил. 1. И.Д. Шадр. Проект памятника Мировому страданию. Эскиз (общий вид). Конец 1910-х гг. [34, с. 22]

Программное произведение Шадра в те годы — памятник Мировому страданию, замысел которого появился у скульптора еще в преддверии Первой мировой войны. В 1916 году этот проект был утвержден к постройке на московском Братском кладбище как мемориал погибшим на госпитальном судне «Португаль». Памятник Мировому страданию можно назвать хрестоматийным примером синтеза искусств, каким его понимали представители символизма в первые десятилетия XX века. Он был задуман в виде огромного архитектурно-скульптурного комплекса, сложенного из гранитных блоков...

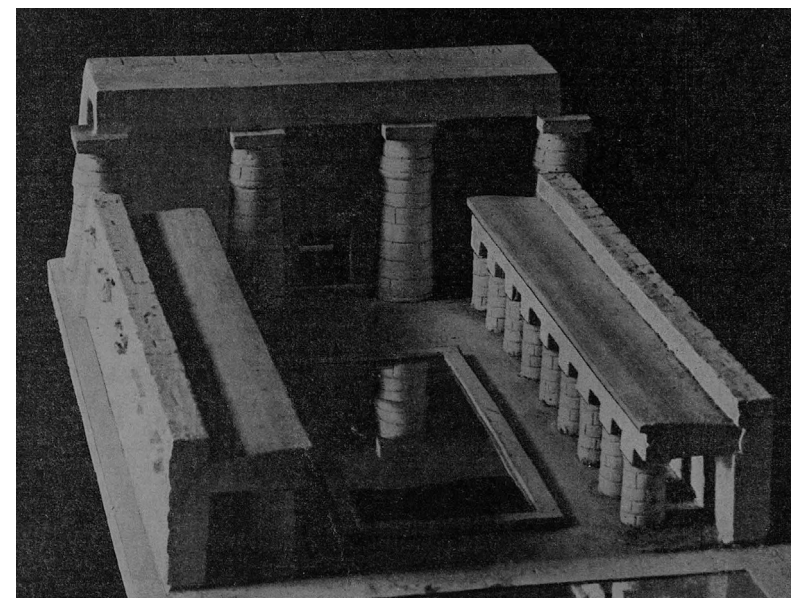
Парадный вход — «Ворота вечности» — оформляли четыре колосса, которые олицетворяли рождение, мужество, мудрость и вечность. Между ними находился вход в перистильный двор с бассейном («Озеро слез»), окруженным статуями и высокими тополями. Путь через перистиль вел к массивной ступенчатой пирамиде-Голгофе; в ее стену были вкомпонованы крест и статуя библейского праведника Иова. Войдя внутрь пирамиды, посетитель спускался по лабиринту

Ил. 2. И.Д. Шадр. Проект памятника Мировому страданию. Эскиз (перистиль). Конец 1910-х гг. [34, с. 23]

коридоров и, наконец попадал в залитую светом «Часовню Воскресения» [33, с. 24].

Деятельность Шадра в 1910-х годах следует рассматривать в контексте общеевропейских идей символизма и гезамткунстверка. В концепции памятника Мировому страданию отчетливо выразились историософские поиски автора, его трагическое и вместе с тем жизнеутверждающее мироощущение. Свои источники вдохновения скульптор обозначил так: «Я невольно вспомнил прежние достижения былых веков, — искусство индийское, японское, китайское. Я вспомнил храмы, святилища и капища. Они стремятся выразить образы вечности среди природы. Словом, я мечтал о новом монументальном искусстве» [33, с. 21]. Но более сильное влияние на этот проект оказали, очевидно, памятники древнеегипетского и античного зодчества

Ил. 3. И.Д. Шадр. Проект памятника Мировому страданию. Макет перистиля. Конец 1910-х гг. [34, с. 24]

(например, храмы в Абу-Симбеле и мавзолей Августа в Риме), а также творческие искания современников Шадра⁽¹⁾. Показательно, что в этот период «...увлеченный своими грандиозными концепциями, Шадр больше мыслил в архитектурных и живописно-монументальных формах» [31, с. 145], и поэтому позиционировал себя в первую очередь как художник.

Воплощение памятника Мировому страданию в жизнь было прервано революционными событиями 1917 года, однако при материальной поддержке М. Горького Шадру удалось выполнить макеты отдельных частей сооружения, которые широко обсуждались после

(1) Проект памятника Мировому страданию имеет явные прототипы и стилистические параллели в архитектуре Европы. В их числе — Мавзолей Шилици в Неаполе (1881–1889), проект Видовданского храма И. Мештровича (1908), гранитные колоссы Э. Викстрёма для вокзала в Хельсинки (1914). Однако эта тема выходит за рамки статьи и заслуживает отдельного исследования.

показов в Москве и Петрограде [см.: 9; 21; 29; 32; 33]. Именно Горький посоветовал Шадру пропагандировать собственный замысел в формате публичных лекций при помощи проекционной техники. Первая такая лекция состоялась 2 мая 1918 года в Москве. Дальнейшие события разворачивались более чем стремительно и непредсказуемо...

Тернистый путь в поисках себя: уральский этап турне

В том же месяце И.Д. Шадр выехал из Москвы в город Шадринск, вблизи которого родился и в память о котором взял свой псевдоним. Уже в пути он был настигнут восстанием Чехословацкого корпуса. На Урале и в Сибири началось постепенное установление антибольшевистских режимов. Продвигаясь на восток, Шадр, и без того стесненный в средствах, столкнулся с тяжелыми финансовыми затруднениями. Очевидно, что больших возможностей для молодого и амбициозного скульптора в уездном Шадринске не предвиделось: здесь не было ни заказов, ни подходящей мастерской, ни качественных материалов для творчества. В этих условиях Шадр стоял перед выбором подходящих художественных стратегий.

28 июня местная советская газета «Крестьянин и рабочий» опубликовала объявление о предстоящей лекции Шадра в городском театре, намеченной на 1 июля. Ее пришлось отложить, поскольку уже 30 июня, после ожесточенных боев, красные войска оставили Шадринск, уступив город чехословацким legionерам [23, с. 69]. Лекция вновь была анонсирована в шадринской «Народной газете» в конце июля: «В ближайшем будущем известный художник И.Д. Иванов-Шадр — автор проектов памятников Мировому страданию, Миру и Братству народов, Человечеству, Борцам Революции — предполагает прочесть лекцию о памятниках революционной России» [цит. по: 23, с. 69].

Эта лекция, состоявшаяся в начале августа, прошла, судя по всему, неудачно. «Нельзя не приветствовать попытку г. Иванова познакомить местную публику в своей лекции с богатыми общечеловеческими ценностями художественной культуры» [19, с. 2], — писал корреспондент «Народной газеты» Могирев. Однако рассказ, по его мнению, получился тенденциозным, сбивчивым и непоследовательным. Лектор сначала осветил проблему кризиса в современном русском искусстве, затем перешел к обзору истории мирового искусства (начав с древне-

восточного, «обойдя богатое ассиро-вавилонское») и, наконец, вернулся к отечественному, вынеся ему «беспощадный приговор». Второй час лекции Шадр посвятил проектам революционных памятников, а третья часть лекции — о «философии искусства, вопросах теории и психологии творчества» — и вовсе «осталась не выполненной». Могирев заключил, что Шадр «хотел объять необъятное», и посоветовал скульптору в будущем использовать более живое изложение [19, с. 3]. Все эти претензии и рекомендации, как мы увидим далее, он учел в полной мере.

Известно, что летом 1918 года Шадр также работал над проектом памятника шадринцам-фронтовикам, расстрелянным за агитацию против советской власти⁽²⁾. Эскизы памятника были представлены публике, затем обсуждались в местной культурно-просветительской комиссии [34, с. 3], но дальше этого дело не пошло. Осенью Шадр решил уехать в Екатеринбург — город своей юности и первых творческих работ. В октябре он посетил редакцию газеты «Зауральский край», и вскоре на ее страницах появился очерк, дающий нам яркое представление о методах саморекламы скульптора: «„Иван Дмитриевич Иванов-Шадр. Художник. Лауреат Парижской академии“, — читаю я на визитной карточке экспансивного, полного грандиозных замыслов молодого человека, зашедшего в редакцию с ворохом газет разнообразных направлений — с сочувственными отзывами о нем и его замыслах от большевика В. Фриче и Максима Горького до Сергея Глаголя из „Утра России“» [20, с. 3]. Все это возымело действие на журналиста, который поведал читателям, что Шадр «...сидит в редакции мятущийся, ищущий, как и в те дни, когда его была жизнь, но не убила его дарования. Он приехал в Екатеринбург, где проходило его безрадостное детство, полное пинков и колотушек, и думает поделиться с екатеринбуржцами своими мечтами и замыслами художника-фантазера» [20, с. 3].

Екатеринбургская лекция И.Д. Шадра состоялась в декабре 1918 года. Ее содержание мы можем реконструировать по изложению, опубликованному в газете «Горный край». Лекция началась

(2) В июне 1918 года красноармейцы арестовали и расстреляли участников шадринского съезда фронтовиков — Н. Дымшакова, Е. Ларюшкина и А. Тельманова.

с пространной теоретической части, в ходе которой Шадр рассуждал о факторах, влияющих на художника, а также о гуманистической и религиозной тенденциях в истории искусства. По мнению скульптора, гуманистическая (индивидуалистическая) тенденция негативно сказалась на развитии искусства и в конечном счете вызвала «распад и кризис» современной культуры. Отношение к коллегам у Шадра было не самым положительным; он с недоумением высказался о «протесте против красоты и восхвалении уродства», намекая на представителей авангарда [27, с. 3]. Шадр полагал, что новые формы искусства будут связаны с грядущим религиозным возрождением⁽³⁾. Образцами «великих религиозных опытов» он назвал оперу Р. Вагнера «Парсифаль» и стихи А. Блока о революции. Затем Шадр отстаивал необходимость обращения к художественному синтезу: «Современные искусства отрицают друг друга и приходят к самоотрицанию. Распад приводит к тому, что живопись становится пестрой смесью красок, поэзия — словотворчеством. Залог нового расцвета искусства в слиянии всех видов искусства и в создании новой, синтетической формы». Наконец, лектор перешел к своему проекту памятника Мировому страданию, который, как сообщила газета, «должен служить маяком на новых путях возрождающегося творчества». В процессе демонстрации «художник много говорил, как зрел план в душе, показывал общий вид памятника и отдельные части его в волшебном фанаре». Лекция завершилась на оптимистичной ноте — «указанием на то, что искусство всем нужно, оно способно переродить всю жизнь. Новое солнце взойдет в длинной ночи бытия» [27, с. 3].

Каким был повседневный мир уральцев и сибиряков — зрителей Шадра? Это тяжелейшее материально-бытовое положение, транспортный коллапс, эпидемии тифа и холеры, психологическая напряженность. Но несмотря на все трудности, художественная жизнь Урало-Сибирского региона в 1918 году являлась насыщенной и разнообразной — не в последнюю очередь благодаря вновь прибывшим (или вернувшимся) из Петрограда и Москвы молодым деятелям искусства, в числе которых был и сам Шадр. Немаловажно

(3) В тезисах Шадра можно усмотреть влияние работ Д.С. Мережковского и А. Белого («Л. Толстой и Достоевский», «Формы искусства» и др.).

и то, что идеи скульптора легли на подготовленную почву. Несколько ранее, в 1916 году, Урал и Сибирь посетили с гастролями мэтры символизма К.Д. Бальмонт и Ф.К. Сологуб. Подобные коммерческие лекции и творческие вечера «собирали большую публику, консолидировали городскую культурную среду и стимулировали ее развитие» [17, с. 146].

Пребывание Шадра в Екатеринбурге зимой 1918/1919 годов совпало с визитом «отца русского футуризма» Д.Д. Бурлюка, который готовил здесь лекцию и выставку своих полотен. Если Шадр привлекал слушателей замысловатыми историсофскими интерпретациями, калейдоскопом мистико-религиозных образов и глубокой лиричностью, то футуристы делали ставку на отрицание культурной памяти, острую сатиру и антиэстетизм. Однако методы саморекламы футуристов и Шадра были очень схожи. Пересекались и основные темы их выступлений: в лекциях Бурлюка тоже присутствовали размышления о кризисе искусства, «разладе» между формой и содержанием, проблемах художественного синтеза [см.: 1]. Впоследствии Бурлюк оставил любопытное и ценное воспоминание о скульпторе:

Одновременно со мной в Екатеринбурге состоялись лекции А.Я. Ган-Гутмана и уральского самородка Ивана Шадра, читавшего о своем памятнике Мировому страданию. Горький написал в московских газетах незадолго перед этим интересную биографию «скульпто-архитекто-философа». Вокруг имени его был сделан бум, но Шадр попал за чешский фронт в провинцию, и будущее не улыбалось ему. Американский консул в Екатеринбурге при мне отклонил предложение предприимчивого Шадра относительно его поездки «в страну долларов» для немедленного сооружения там памятника Мировому страданию [6, с. 45].

Воспоминания Бурлюка соотносятся с другими источниками. В феврале 1919 года газета «Наш Урал» сообщила, что Шадр собирается уезжать в Америку, «ибо здесь, у себя на родине, он не может найти применения своим силам и таланту, уезжает потому, что ему нечем жить...» [цит. по: 23, с. 71]. Неудавшийся отъезд и финансовые затруднения побудили скульптора покинуть Екатеринбург и переехать в Омск — столицу белой России, где и продолжилось лекционное турне.

Главный скульптор колчаковской столицы: сибирский этап турне

25 февраля 1919 года Шадр прочел лекцию «Памятник Мировому страданию» на омских высших курсах. Журналист В. Вельский детально и, как представляется, вполне достоверно (за исключением нескольких упомянутых лектором фамилий) передал содержание этой лекции. Как и в Екатеринбурге, Шадр начал с размышлений об истоках искусства, о двух его «ступенях» — религиозной и гуманистической, а также о единстве всех его видов. Он утверждал, что и религиозная, и гуманистическая тенденции в искусстве «довершили свой круг — от скульптурных примитивов диких народов до примитивов скульптора Коневского⁽⁴⁾; от примитивов живописи дикарей до примитивов живописи футуристов; от примитивов звукоподражателей поэзии детей до поэзии нечленораздельных звуков Кручёных, Хлебниковой [sic!] и др. футуристических поэтов. Произошел великий культурный распад, — и искусство на распутье» [7, с. 3]. Собственно о памятнике Мировому страданию журналист писал так: «В этом оригинальном талантливом проекте памятника слиты в одно гармоническое целое — и архитектура, и скульптура, и библейская поэзия, и философия, и религия, и живая природа — солнце, вода, деревья и цветы». В общем, лекция прошла удачно. Об этом свидетельствовало то, что «слушатели курсов <...> все время сидели как зачарованные и наградили талантливого лектора дружными, долго не смолкавшими, энергичными аплодисментами» [7, с. 3].

14 марта при поддержке антибольшевистского Союза возрождения России была организована лекция Шадр «Памятник Мировому страданию» в помещении Биржи на Музейной улице [22, с. 1]. Почти месяц спустя, 12 апреля Шадр повторил лекцию для рабочих и служащих Экспедиции заготовления государственных бумаг. «Интересная тема и весьма удачное иллюстрирование туманными картинками захватили настолько слушателей, что они долго еще после окончания лекции обменивались впечатлениями по поводу затронутого

в лекции предмета» [18, с. 2], — отметила официальная колчаковская газета «Правительственный вестник».

На волне популярности своих лекций Шадр стал получать крупные заказы. В начале мая 1919 года сибирская пресса сообщила, что Омское общество художников и любителей изящных искусств планирует заказать Шадру прижизненный памятник Верховному правителю А.В. Колчаку [25, с. 2]. Эта новость всколыхнула художественные круги Омска; писатель А.С. Сорокин — знаменитый мастер провокаций и мистификаций в сибирской литературной среде — отреагировал на нее в памфлете, вошедшем в цикл «Тридцать три скандала Колчаку» [см.: 30, с. 62–64]. Еще один памятник — генералу Л.Г. Корнилову — собиралось заказать Шадру руководство Сибирского кадетского корпуса [26, с. 3]. Сведения о том, что представляли из себя эти проекты и были ли они реализованы, к настоящему времени не выявлены; в исследованиях советского периода, разумеется, об этих работах не могло идти речи. В том же мае 1919 года Шадр участвовал в конкурсе на проект банкнот колчаковского правительства, получивших название «Возрождение России» [14, с. 2]. Опыт оформления купюр пригодится скульптору три года спустя, когда ему закажут изображения для новых советских денежных знаков и почтовых марок.

Шадра можно назвать одним из наиболее известных и востребованных деятелей изобразительного искусства белого Омска. И все же, несмотря на обретение престижного статуса, он решил продолжить свое турне и выехал в августе 1919 года в Томск, чтобы провести серию публичных лекций в «Интимном» театре (14, 15 и 21 августа). Местная пресса так же, как омская и екатеринбургская, уделила молодому скульптору значительное внимание. Рекламная кампания в газете «Сибирская жизнь» открылась компилятивной статьей В. Садовского, сравнившего Шадр с Ф.И. Шаляпиным и М. Горьким, которые тоже «прошли через горнило испытаний в детстве» [28, с. 3].

В статье упоминались как основные жизненные вехи скульптора (учеба в Екатеринбурге, Париже и Риме), так и малоизвестные эпизоды, один из которых заслуживает особого внимания: «Первые дни И.Д. Шадр [sic!] были печальны. Его потерял родной отец, когда крестить мальчика поехала знакомая отцу бабка и знахарка. Только через три года отец И.Д. Шадр мог восстановить, что потерянный

(4) Имелся в виду скульптор Сергей Тимофеевич Конёнков (1874–1971).

во время крещения бабкой ребенок был его сын» [28, с. 3]. Описание этого инцидента было заимствовано В. Садовским из анонимной газетной статьи 1917 года, посвященной Шадру [см.: 13, с. 2]⁽⁵⁾. Оно не встречается ни в воспоминаниях скульптора, ни в мемуарах его жены Т.В. Ивановой-Шадр, а из биографов о «потере» новорожденного упомянул, по-видимому, только краевед В.П. Бирюков, но в сильно отличающемся изложении [2, с. 130]. Грань между историческим фактом и сознательной мистификацией здесь очень размыта. Тем не менее этот (якобы) произошедший с Шадром шокирующий случай использовался для рекламы его лекций, дабы подчеркнуть тернистый путь скульптора, создать сложный и драматичный образ страдальца-одиночки.

В связи с этим весьма показательно, что в Томске у Шадра появились недоброжелатели. 18 августа местная газета «Сегодня» опубликовала заметку за подписью «Художник», в которой заявлялось, что Шадр никогда не был в Париже и не учился там: «Все громкие титулы, сопровождающие его вымышленную фамилию — придуманы им для обморочения публики. Остается только пожелать, чтобы в следующем городе, куда этот „Шадр“ поедет, он назвал себя „художником Шарлем“ — от слова „шарлатан“» [35, с. 3]. Ответ не заставил себя долго ждать: спустя три дня «Сибирская жизнь» поместила на своих страницах письмо-опровержение В. Садовского, который, в свою очередь, обвинил анонима в клевете и беспочвенных напаках на «брата по искусству» [24, с. 3]. Такая попытка полемики может напомнить современному читателю спланированный рекламный трюк, хотя в действительности, вероятно, дело обстояло иначе.

Установить точно, где Шадр находился в конце 1919 года и возобновил ли он свое турне, пока затруднительно. В 1920–1921 годах он жил в Омске, уже занятом к тому времени красными войсками, выезжал в Новониколаевск (Новосибирск) и Барнаул. Этот этап в жизни и творчестве скульптора детально изучила И.Г. Девятьярова, отметившая, что Шадр «тонко уловил значимость пропагандистских ценностей победившей власти и успешно проявил себя на новом

(5) Возможный автор анонимной статьи — М. Горький. Фрагменты этого текста неоднократно использовались газетами Урала и Сибири в ходе турне Шадра.

политико-идеологическом поприще» [10, с. 70]. Проекты памятников Колчаку и Корнилову сменились монументами жертвам белого террора, статуями и горельефами К. Маркса, В. Либкнехта, Р. Люксембург. В конце 1921 года Шадр вернулся в Москву.

Шадр и советское искусство Урало-Сибирского региона: влияния и пересечения

После рассмотрения подробностей лекционного турне возникает естественное желание выяснить: имел ли какое-либо влияние проект памятника Мировому страданию на урало-сибирских архитекторов, скульпторов и художников? Надо отметить, что идеи Шадра переключаются с теми тенденциями в советской архитектуре и монументальном искусстве 1920-х годов, которые обычно объединяются термином «символический романтизм». Даже Мавзолей Ленина в Москве — не что иное, как вольная интерпретация шадровского замысла, наделенная новым идеологическим звучанием. По мнению Н.Н. Броневицкой, «пирамида-гольгофа из памятника Шадра была трансформирована А.В. Щусевым в композицию Мавзолея Ленина. <...> Вместо креста в погребальном зале Мавзолея — скульптурный герб СССР с серпом и молотом, выполненный И. Шадром» [5, с. 61].

Простые геометрические объемы, архитектурные архетипы (пирамида, колоннада, пилон), аллегорическая образность, лаконизм форм — все это в 1920-е годы было востребовано в городах Урала и Сибири. Схематизированная ордерная архитектура памятника Мировому страданию сильно напоминает первоначальное решение Дома Ленина в Новосибирске (1924–1926, архитекторы М.С. Купцов, И.А. Бурлаков и др.). Это здание, в свою очередь, стало прототипом для памятника павшим партизанам в Камне-на-Оби, открытого в 1927 году (архитектор Б.В. Буянов). В 1925 году в Омске был сооружен монумент жертвам Куломзинского восстания, представляющий собой ступенчатую пирамиду. В том же году на Алом поле в Челябинске состоялось открытие памятника-мавзолея Ленину (архитектор Н.М. Чекасин, инженер П.И. Искосков), богато украшенного псевдоегипетскими обелисками и колоннами; в его основание была встроена небольшая библиотека-читальня — своеобразный парафраз шадровской «Часовни Воскресения», спрятанной внутри пирамиды-гольгофы...

Ил. 4. М.С. Купцов, И.А. Бурлаков и др. Дом Ленина в Новосибирске. 1924–1926. Фотография из собрания автора

Времена, когда скульптор Шадр стоял на распутье, прошли, но ему так и не суждено было осуществить свой грандиозный замысел. На протяжении последующих лет, вплоть до самой смерти, он неоднократно возвращался к концепции памятника Мировому страданию — например, в проекте монументального маяка-памятника Христофору Колумбу [12, с. 6–7; 36, с. 100–104]. И все-таки судьба распорядилась иначе: Шадр прославился прежде всего как автор отдельных статуй агитационного характера и надгробий для советской элиты. Что касается урало-сибирского турне, то оно долгие десятилетия оставалось за рамками официальной биографии скульптора.

Заключение

Подведем некоторые итоги. Находясь в 1918–1919 годах сначала на Урале, затем в Сибири, И.Д. Шадр проявил не только идеологическую гибкость (свойственную в тот нелегкий период многим его коллегам), но и незаурядные организаторские способности, о чем свидетельству-

ют его методы саморекламы. Выбор, сделанный Шадром, позволил ему адекватно ответить на вызовы времени. Во многом благодаря успеху лекционного турне Шадру удалось в короткий срок стать одним из ведущих скульпторов белой Сибири и получить важные заказы. В ходе турне он транслировал концепции гезамткунстверка и символизма, усвоенные еще в годы учебы в Европе, и таким образом знакомил с ними уральцев и сибиряков. Обращение Шадра к проблемам назначения искусства, художественного синтеза и кризиса культуры нашло широкий отклик среди местной общественности. Можно говорить о том, что памятник Мировому страданию, проект которого демонстрировался на лекциях, имел определенное влияние на архитектуру Урала и Сибири 1920-х годов. Все это в совокупности существенно обогащает наши представления как о творческой карьере И.Д. Шадра, так и о художественной жизни Урало-Сибирского региона первых десятилетий XX века.

Список литературы:

- 1 Алексеев Е.П. Крещение мечом футуризма. О лекции и художественной выставке Д.Д. Бурлюка в Екатеринбурге 21 декабря 1918 года // Литература Урала: история и современность: Сборник статей / Отв. ред. Е.К. Созина. Екатеринбург: АМБ, 2006. С. 96–101.
- 2 Бирюков В.П. Скульптор-земляк // Бирюков В.П. Записки уральского краеведа. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1964. С. 129–139.
- 3 Борисов С.Б. Иван Дмитриевич Шадр и Шадринск // Тобольск и вся Сибирь: Альманах. Кн. 17: Шадринск / Сост. П.А. Брычков. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2012. С. 363–373.
- 4 Боровская Е.А., Дроздова М.А. Русские художники в парижской Академии Гранд-Шомьер в начале XX века // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. науч. статей. Вып. 10 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. М.; СПб.: НП-Принт, 2020. С. 423–435.
- 5 Броницкая Н.Н. Архитектура Москвы, 1910–1935 гг. М.: Искусство – XXI век, 2012. 354 с.
- 6 Бурлюк Д. Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке (1919–1922) // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 44–48.
- 7 Вельский В. Лекция И.Д. Шадра («Памятник Мировому Страданию») // Заря. 1919. 26 февраля. С. 3.
- 8 Воронова О.П. Шадр. М.: Молодая гвардия, 1969. 192 с.
- 9 Глаголь С. Художник-мечтатель // Заря России. 1918. 1 мая. С. 3.
- 10 Девятьярова И.Г. Смена власти – смена кумиров. Скульптор И.Д. Шадр в Омске (1920–1921 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2020. № 23. С. 69–76.
- 11 Дудко А.А. Иван Дмитриевич Шадр. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1969. 92 с.
- 12 Зотов А.И. Шадр Иван Дмитриевич. 1887–1941. М.; Л.: Искусство, 1944. 16 с.
- 13 И.Д. Иванов (Шадр) – автор проекта памятника Мировому страданию // Свободное слово. 1917. 5 мая. С. 2.
- 14 Из газет // Алтайский вестник. 1919. 31 мая. С. 2.
- 15 Колпинский Ю.Д. Иван Дмитриевич Шадр. 1887–1941. М.: Искусство, 1954. 106 с.
- 16 Лосунов А.М. Иван Дмитриевич Шадр в Омске // Омский краевед. 2020. Вып. 9. С. 134–143.
- 17 Маштакова Л.В. Лекция Федора Сологуба «Россия в мечтах и ожиданиях» на Урале (1916): по материалам архивов и региональной прессы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 144–157. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.3.049>.
- 18 Местная жизнь // Правительственный вестник. 1919. 26 апреля. С. 2.
- 19 Могирев. По поводу лекции Иванова-Шадр // Шадринская народная газета. 1918. 15 августа. С. 2–3.
- 20 Н.Ф. Иван Дмитриевич Иванов-Шадр // Зауральский край. 1918. 29 октября. С. 3.
- 21 Обзорение проекта памятника «Мировому страданию» // Свободное слово. 1917. 22 мая. С. 4.
- 22 Объявление [Памятник мировому страданию] // Сибирская речь. 1919. 14 марта. С. 1.
- 23 Осинцев Л.П. Неизвестный Шадр. Шадринск: Исеть, 1995. 121 с.
- 24 Письма в редакцию // Сибирская жизнь. 1919. 21 августа. С. 3.
- 25 По Сибири. Из газет // Сибирская жизнь. 1919. 9 мая. С. 2–3.
- 26 По Сибири. Из газет // Сибирская жизнь. 1919. 21 мая. С. 3.
- 27 С.Р. «Памятник мировому страданию» // Горный край. 1919. 1 января. С. 3.
- 28 Садовский В. К лекции художника-скульптора И.Д. Шадр // Сибирская жизнь. 1919. 13 августа. С. 3.
- 29 Сидоров А.А. Два года советского искусства и художественной деятельности // Творчество. 1919. № 10–11. С. 38–45.
- 30 Сорокин А.С. Тридцать три скандала Колчаку / Сост., прим. и предисл. И.Е. Лощилова, А.Г. Раппопорта. СПб.: Красный матрос, 2011. 115 с.
- 31 Терновец Б.Н. И.Д. Шадр // Терновец Б.Н. Избранные статьи. М.: Сов. художник, 1963. С. 140–152.
- 32 Фриче В.М. На путях к новому искусству // Вестник жизни. 1918. № 2. С. 44–50.
- 33 Фриче В.М., Шадр И.Д. Памятник мировому страданию // Творчество. 1918. № 5. С. 21–24.
- 34 Хроника // Шадринская народная газета. 1918. 5 сентября. С. 3.
- 35 Художник. Кто такой художник-скульптор Шадр? // Сегодня. 1919. 18 августа. С. 3.
- 36 Шадр: Литературное наследие. Переписка. Воспоминания о скульпторе / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. О.П. Воронова М.: Изобразительное искусство, 1978. 255 с.
- 37 Шалимова В.П. Иван Дмитриевич Шадр. Л.: Художник РСФСР, 1962. 43 с.

References:

- 1 Alekseev E.P. Kreshchenie mehom futurizma. O leksii i khudozhestvennoi vystavke D.D. Burlyuka v Ekaterinburge 21 dekabrya 1918 goda [Baptism with the Sword of Futurism. On D.D. Burliuk's Lecture and Art Exhibition in Ekaterinburg on December 21, 1918]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': Sbornik statei* [Urals Literature: History and Modernity: Collection of Articles], ed. E.K. Sozina. Ekaterinburg, AMB Publ., 2006, pp. 96–101. (In Russian)
- 2 Biryukov V.P. Skul'ptor-zemlyak [The Sculptor Countryman]. Biryukov V.P. *Zapiski ural'skogo kraevedy* [Notes of the Ural Local Historian]. Chelyabinsk, Juzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1964, pp. 129–139. (In Russian)
- 3 Borisov S.B. Ivan Dmitrievich Shadr i Shadrinsk [Ivan Dmitrievich Shadr and Shadrinsk]. *Tobol'sk i vsya Sibir': Al'manakh* [Tobolsk and All Siberia: Almanac]. Book 17: *Shadrinsk* [Shadrinsk], comp. P.A. Brychkov. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2012, pp. 363–373. (In Russian)
- 4 Borovskaya E.A., Drozdova M.A. Russkie khudozhniki v parizhskoi Akademii Grand-Shom'er v nachale XX veka [Russian Painters at the Academy de la Grande Chaumière in the Beginning of the 20th Century]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: Sb. nauch. statei* [Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Scientific Articles]. Issue 10, eds. A.V. Zakharova, S.V. Maltseva, E. Yu. Stanyukovich-Denisova. Moscow, St. Petersburg, NP-Print Publ., 2020, pp. 423–435. (In Russian)
- 5 Bronovitskaya N.N. *Arkhitektura Moskvy, 1910–1935 gg* [Architecture of Moscow, 1910–1935]. Moscow, Iskusstvo – XXI vek Publ., 2012. 354 p. (In Russian)
- 6 Burlyuk D. Literatura i khudozhestvo v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1919–1922) [Literature and Art in Siberia and the Far East (1919–1922)]. *Novaya russkaya kniga* [New Russian Book], 1922, no. 2, pp. 44–48. (In Russian)
- 7 Vel'skii V. Lektsiya I.D. Shadra ("Pamyatnik Mirovomu stradaniiyu") [I.D. Shadr's Lecture ("The Monument to the World's Suffering")]. *Zarya*, 1919, February 26, p. 3. (In Russian)
- 8 Voronova O.P. *Shadr* [Shadr]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1969. 192 p. (In Russian)
- 9 Glagol' S. Khudozhnik-mechtatel' [The Dreamer Artist]. *Zarya Rossii*, 1918, May 01, p. 3. (In Russian)
- 10 Devyat'yarova I.G. Smena vlasti – smena kumirov. Skul'ptor I.D. Shadr v Omske (1920–1921 gg.) [Change of Power – Change of Idols. The Sculptor I.D. Shadr in Omsk (1920–1921)]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*, 2020, no. 23, pp. 69–76. (In Russian)
- 11 Dudko A.A. *Ivan Dmitrievich Shadr* [Ivan Dmitrievich Shadr]. Chelyabinsk, Juzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1969. 92 p. (In Russian)
- 12 Zotov A.I. *Shadr Ivan Dmitrievich. 1887–1941* [Shadr Ivan Dmitrievich. 1887–1941]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1944. 16 p. (In Russian)
- 13 I.D. Ivanov (Shadr) – avtor proekta pamyatnika Mirovomu stradaniiyu [I.D. Ivanov (Shadr) – the Author of the Design of the Monument to the World's Suffering]. *Svobodnoe slovo*, 1917, May 05, p. 2. (In Russian)
- 14 Iz gazet [From Newspapers]. *Altayskii vestnik*, 1919, May 31, p. 2. (In Russian)
- 15 Kolpinskii Yu.D. *Ivan Dmitrievich Shadr: 1887–1941* [Ivan Dmitrievich Shadr: 1887–1941]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1954. 106 p. (In Russian)
- 16 Losunov A.M. Ivan Dmitrievich Shadr v Omske [Ivan Dmitrievich Shadr in Omsk]. *Omskii kraeved* [Omsk Local Historian], 2020, issue 9, pp. 134–143. (In Russian)
- 17 Mashtakova L.V. Lektsiya Fedora Sologuba "Rossiya v mechtakh i ozhidaniyakh" na Urale (1916): po materialam arkhivov i regional'noi pressy [Fedor Sologub's Lecture "Russia in Dreams and Expectations" in the Urals (1916): With Reference to Archival Materials and Regional Press]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2020, vol. 22, no. 3 (200), pp. 144–157. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.3.049>. (In Russian)
- 18 Mestnaya zhizn' [Local Life]. *Pravitel'stvennyi vestnik*, 1919, April 26, p. 2. (In Russian)
- 19 Mogirev. Po povodu leksii Ivanova-Shadr [On the Ivanov-Shadr's Lecture]. *Shadrinskaya narodnaya gazeta*, 1918, August 15, pp. 2–3. (In Russian)
- 20 N.F. Ivan Dmitrievich Ivanov-Shadr. *Zaural'skii krai*, 1918, October 29, p. 3. (In Russian)
- 21 Obozrenie proekta pamyatnika "Mirovomu stradaniiyu" [Review of the Design of the Monument to the World's Suffering]. *Svobodnoe slovo*, 1917, May 22, p. 4. (In Russian)
- 22 Ob'yavlenie [Pamyatnik mirovomu stradaniiyu] [Announcement [Monument to the World's Suffering]]. *Sibirskaya rech'*, 1919, March 14, p. 1. (In Russian)
- 23 Osintsev L.P. *Neizvestnyi Shadr* [Shadr the Unknown]. Shadrinsk, Iset' Publ., 1995. 121 p. (In Russian)
- 24 Pis'ma v redaktsiyu [Letters to the Editorial Office]. *Sibirskaya zhizn'*, 1919, August 21, p. 3. (In Russian)
- 25 Po Sibiri. Iz gazet [In Siberia. From Newspapers]. *Sibirskaya zhizn'*, 1919, May 09, pp. 2–3. (In Russian)
- 26 Po Sibiri. Iz gazet [In Siberia. From Newspapers]. *Sibirskaya zhizn'*, 1919, May 21, p. 3. (In Russian)
- 27 S.R. "Pamyatnik mirovomu stradaniiyu" [Monument to the World's Suffering]. *Gornyi krai*, 1919, January 01, p. 3. (In Russian)
- 28 Sadovskii V. K leksii khudozhnika-skul'ptora I.D. Shadr [On the Lecture of the Artist-sculptor I.D. Shadr]. *Sibirskaya zhizn'*, 1919, August 13, p. 3. (In Russian)
- 29 Sidorov A.A. Dva goda sovetskogo iskusstva i khudozhestvennoi deyatelnosti [Two Years of Soviet Art and Artistic Activity]. *Tvorchestvo*, 1919, no. 10–11, pp. 38–45. (In Russian)
- 30 Sorokin A.S. *Tridtsat' tri skandala Kolchaku* [Thirty-three Scandals to Kolchak], comp., notes, preface I.E. Loshchilov, A.G. Rappoport. St. Petersburg, Krasnyi matros Publ., 2011. 115 p. (In Russian)
- 31 Ternovets B.N. I.D. Shadr. Ternovets B.N. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Moscow, Sov. khudozhnik Publ., 1963, pp. 140–152. (In Russian)
- 32 Friche V.M. Na putyakh k novomu iskusstvu [On the Way to New Art]. *Vestnik zhizni*, 1918, no. 2, pp. 44–50. (In Russian)
- 33 Friche V.M., Shadr I.D. Pamyatnik mirovomu stradaniiyu [Monument to the World's Suffering]. *Tvorchestvo*, 1918, no. 5, pp. 21–24. (In Russian)
- 34 Khronika [The Chronicle]. *Shadrinskaya narodnaya gazeta*, 1918, September 05, p. 3. (In Russian)
- 35 Khudozhnik. Kto takoi khudozhnik-skul'ptor Shadr? [Who Is the Artist-sculptor Shadr?]. *Segodnya*, 1919, August 18, p. 3. (In Russian)
- 36 *Shadr: Literaturnoe nasledie. Peregovory. Vospominaniya o skul'ptore* [Shadr: Literary Heritage. Correspondence. Memories of a Sculptor], comp., intr. article, notes O.P. Voronova. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1978. 255 p. (In Russian)
- 37 Shalimova V.P. *Ivan Dmitrievich Shadr* [Ivan Dmitrievich Shadr]. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1962. 43 p. (In Russian)